

цах посредством мысли реальную *natura communis*, одну и ту же под ее индивидуирующими детерминациями («этостями» Дунса Скота). Но в подобной доктрине крайне трудно объяснить, каким образом мысль, если исходить из этих индивидуальных, ничего общего между собой не имеющих блоков, может сформулировать понятия рода и вида. С этой трудностью уже столкнулся Абельяр — он преодолел ее, введя понятие статуса индивидов. Оккам намеревается справиться с ней схожим образом, но более радикально. Нет никаких оснований полагать, что он читал Абельяра; нет даже необходимости говорить о влиянии на него логиков-терминистов XIII века, хотя оно могло сыграть свою роль; ответ необходимо заключался в самой постановке вопроса. В самом деле, здесь имеют место две основополагающие данности: 1) поскольку все, что реально, индивидуально, то роды и виды суть ничто вне мысли; 2) тем не менее мысль способна классифицировать индивиды по родам и видам. Это свидетельствует о следующем: единственное корректное решение проблемы заключается в том, чтобы ничего не прибавлять к этим данностям и понять, что здесь мы находимся перед лицом факта, выше которого подняться невозможно. Чтобы объяснить, что Сократ и Платон принадлежали к одному виду, нет необходимости воображать, будто между ними было нечто общее: то, что Платон существует индивидуально и что Сократ существует индивидуально, согласуется просто в силу того, что Платон есть и Сократ есть. Поскольку дано, что осел есть, это до определенного момента согласуется с тем, что есть Платон и есть Сократ, но в меньшей степени, чем то, что Платон и Сократ «сходятся» в одном целом. Поэтому мы можем сгруппировать их в один род («живое существо»), но не в один вид («человек»). Единственная реальность, соответствующая универсалиям, — это реальность индивидов. Таким образом, термины, или имена, из которых мы строим предложения, образующие нашу науку, являются также знаками, или субсти-

тутами, которые в языке замещают соответствующих индивидов. В подобной доктрине все в конечном счете покоится на функции «*suppositio personalis*», которую в речи исполняют термины, или имена. Поэтому учение Оккама зачастую называли «номинализмом» или «терминизмом». Это обозначение правильно, но при условии, что к номинализму не сводится все или даже главное в оккамизме и не предается забвению то, что имена, о которых говорит Оккам, всегда мыслятся им в некоем определенном значении.

Действительно, мы уже отмечали, что слова обозначают либо другие слова, либо понятия, либо вещи. Оставим первую гипотезу, которая не представляет интереса, и займемся двумя другими с целью изучить их значение. Каково различие между обозначением понятий и обозначением вещей? Ответ на этот вопрос возможен лишь в том случае, когда отрицается реальное существование универсалии. В самом деле, поскольку существует только единичное, то слова, обозначающие понятия, или не обозначают ничего вообще, или в конечном счете обозначают индивиды, но каким-то особым образом. Это и есть то, что происходит в действительности. Всякий объект может заставить интеллект воспринимать его либо смутно, либо ясно. Смутное понятие — это понятие, посредством которого интеллект познаёт вещи, не будучи способен отличать отдельные объекты один от другого. Напротив, понятие является ясным, когда позволяет нам отличить обозначаемый им объект от любого другого объекта. Итак, очевидно, что поскольку единственно реальными являются отдельные вещи, то только они одни должны быть источником познания любого рода. Если я имею о Сократе лишь смутное восприятие, то, видя его, я воспринимаю только представление о человеке, а слово «человек» на самом деле есть лишь восприятие, ибо то, что это слово обозначает, не позволяет мне отличить